

ДМИТРИЙ ПОЛДНИКОВ*

ЧЕЛОВЕКОСОРАЗМЕРНОСТЬ ПРАВА КАК ОСНОВА ДОГМАТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА**

Получено: 18.01.2025. Рецензировано: 08.02.2025. Принято: 21.05.2025.

Аннотация: Широкое распространение и признание субъектом права юридического лица в большинстве современных правовых систем мира во многом обусловлено влиянием романо-германского права, где данное обобщенное понятие и одноименный институт окончательно сложились лишь к XIX в. благодаря его догматическому осмыслению учеными-правоведами Западной Европы. В данной статье с помощью историко-правового (диахронного) сравнения выделены доктринальные истоки и вехи этого длительного и сложного процесса. Утверждается, что основой его стало переосмысление принципа человечесоразмерности права из античного философского и юридического наследия в схоластической теологии и юриспруденции Средних веков. Прослеживается трансформация и взаимная обусловленность понятий «субъект права», «субъективное право» и «юридическое лицо» в доктрине теологов и правоведов, что в итоге и привело к формулировке основной для XIX в. волевой теории (теории фикции) юридического лица в доктринах ведущих немецких и французских цивилистов. Также в статье показано, как критика волевой теории по мере распространения основанного на ней понятия в догматике публичного права привела к постепенному отказу от человечесоразмерности юридического лица и самого субъекта права. Отступление от римской аксиомы ставит под сомнение одну из основ континентальной европейской правовой традиции, но снимает наложенное догматикой «права профессоров» клеймо экзотичности с правосубъектности идолов, животных и природных объектов, а также создает предпосылки для правового регулирования алгоритмов искусственного интеллекта и кибернетических организмов.

Ключевые слова: субъект права, юридическое лицо, публичное право, субъективное право, юридическая догматика, романо-германское право.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-238-261.

...все право установлено для людей...

Гермогенциан. Дигесты, 1.5.2

На правовой «сцене» современных обществ выступает множество актеров в разных ролях. Наиболее сложные роли исполняются от лица

*Полдников Дмитрий Юрьевич, д. ю. н., доцент, профессор, Московский государственный институт международных отношений МИД России (Москва), poldnikov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2872-4540.

**© Полдников, Д. Ю. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

множества разнообразных объединений, большая часть которых подпадает под собирательное обозначение «юридическое лицо» (фр. *personne morale*, нем. *juristische Person*, исп. *persona jurídica*, англ. *legal person*, араб. *dhimma*, кит. *fārén*). Практически во всех современных правовых системах есть аналоги такого объединения людей (физических лиц, граждан, подданных, иностранцев), ранее созданных ими организаций и их имущества, которое де-юре признается особым субъектом права, способным участвовать в правоотношениях, в том числе от своего имени приобретать и осуществлять права и нести обязанности, распоряжаться обособленным имуществом, выступать истцом и ответчиком в суде (п. 1, ст. 48 Гражданского кодекса России).

Причина такого широкого распространения юридических лиц — значимая роль таких объединений для экономического, политического, социального развития индустриальных и информационных обществ. По версии нобелевского лауреата по экономике Дугласа Норта, именно создание постоянно действующих организаций (юридических лиц) для участия в предпринимательской и политической деятельности (наряду с верховенством права и консолидированным контролем над вооруженными силами и правоохранительными органами) обеспечило эпохальный переход от «закрытых» аграрных обществ к индустриальным обществам открытого типа в Англии и Франции, а затем, по их примеру, и в других странах мира (Норт и др., Узланер и др., 2011: 207 сл.). Разумеется, данный тезис не бесспорен, но невозможно отрицать зависимость между модернизацией социальных институтов и ростом числа созданных юридических лиц в Европе XIX в.¹

Однако концептуальное осмысление феномена юридического лица отличалось в зависимости от правового стиля той или иной юрисдикции. Мир западного права, ранее других вставший на путь модернизации общества, исторически разделен на англо-американское общее и романо-германское право. В праве Англии и ее бывших колоний ведущую роль играли суды и созданные ими доктрины (Sprouse, 1958)². В странах

¹Например, в немецкой историографии середина XIX в. названа периодом «грюндерства» (нем. *Gründerzeit*), то есть создания множества новых частных (коммерческих и некоммерческих) организаций.

²В судебных прецедентах отражено не менее трех разных подходов к природе юридического лица: как юридической фикции, либо коллективного образования его членов, либо реального субъекта, существующего независимо от признания публичной властью. См., соответственно: *Salomon v Salomon & Co Ltd* (1897) AC 22; *Santa Clara County v Southern*

романо-германского (континентального) права сложную проблему решают ученые-юристы, создатели *юридической догматики* (доктрины) — особой методологии и полученного с ее помощью результата описания позитивного (действующего) права в устойчивых логико-понятийных формах (понятиях, концепциях, принципах, классификациях, конструкциях и др.), созданных профессиональным сообществом ученых-юристов, которые определяют представление о праве и формируют технико-юридическую общность правовой системы. Именно юридическая догматика, зародившаяся в ходе изучения римского и канонического права в европейских университетах с XII в., породила модель доктринального римско-канонического права (*ius commune*), распространение (рецепция) которого в континентальной Европе определило особый академический стиль романо-германского права, отличный от созданного английскими королевскими судьями общего права (*common law*) (Михайлов, 2010).

Важным элементом такого стиля стало создание и использование обобщающих понятий для описания и понимания права, особенно в период высшего развития континентальной франко-немецкой догматики в XIX в., когда она действительно формировала юридический язык, определяющий границы юридического мира. Одним из ключевых понятий в тот период стало «юридическое лицо». По словам Раймона Салейля, это понятие заставляет задуматься о самих основах права, субъективного права и субъекта права (Saleilles, 1922). Является ли человек единственным субъектом права? Следует ли считать юридическое лицо всего лишь фикцией или же оно достаточно реально как личность?

Ответы на указанные вопросы определили цель и план данной статьи. Цель заключается в выявлении понятийно-категориальной и методологической основы догматической трактовки юридического лица. Выявить ее можно лишь с опорой на социокультурные основания правовой науки и историческое изучение созданных ей понятий. При этом акцент сделан на теории фикции (волевой теории) юридического лица, которая коренится в средневековой схоластике. Она доминировала в период расцвета романо-германской догматики в XIX в., но постепенно утратила поддержку большинства ученых-юристов по мере деперсонализации субъекта права в юриспруденции XX в.

Pacific Railroad Company (1886) 118 US 394; Sloan Shipyards Corporation v Emergency Fleet Corporation (1921) 258 US 549.

СУБЪЕКТ ПРАВА: ОТ ПЕРСОНЫ К НОСИТЕЛЮ ПРАВ

На протяжении столетий создатели континентальной юридической догматики считали именно человека подлинным субъектом права, то есть потенциальным участником правоотношений и возможным носителем прав и обязанностей, в силу его рациональной и волевой природы (свобода воли и разум как основа целеполагания и основание для привлечения к юридической ответственности). Все окружающее субъекта превращалось в объект (предмет) его воздействия.

В туземных традициях круг субъектов мог расширяться за счет священных животных, природных и рукотворных объектов (идолов), что в терминах современного права означает наделение их правами. Например, в 2017 г. парламент Новой Зеландии по инициативе депутатов коренного народа маори принял закон, признающий правосубъектность двух природных объектов на Северном острове — вулкана Таранаки и реки Уонгануи, которые маори считают своими предками. 28 марта 2024 г. король маори Тухеитиа Потатау Те Фероферо VII подписал «Декларацию моря» с призывом признать китов субъектами права, поскольку киты, как и маори, обладают двумя атрибутами личности: духовной сущностью (*мана*) и жизненной силой (*маури*). Следовательно, китам следует предоставить неотъемлемые права, включая право на свободу передвижения, способность развивать естественное поведение, «выражать свою уникальную культуру», процветать в здоровой окружающей среде и «стать свидетелями восстановления своей популяции» (Король коренных новозеландцев..., 2024).

Коренной народ Латинской Америки кечуа до сих пор признает мать-Землю (*pacha mama*) живым существом, наделенным правами, а не объектом эксплуатации. Подобные представления нашли закрепление в ст. 10, 71, 72 Конституции Эквадора 2008 г. при поддержке президента Эво Моралеса. Согласно официальной позиции, данные статьи отразили формирование коллективного сознания в отношении матери-Земли, определяя ее как «священную» и «динамично живущую систему». Законом 2012 г. в Боливии предусмотрено создание специального ведомства, в обязанности которого входит защита прав Земли, а также введена юридическая ответственность (вплоть до уголовной) за причинение ущерба матери-Земле с обязанностью виновного обеспечить восстановление нарушенного природного баланса (В Боливии созданы..., 2012).

Некоторые восточные религии позволяют одушевлять материальные объекты. Это превращает их в идолы и создает предпосылки для на-

деления в том числе имущественными правами. Таковы священная книга сикхов («Ади Грантх», или гуру Гобинд Сингх в нечеловеческом обличе) и множество идолов индуизма. Права последних признали даже британские власти. Например, в деле «Pramatha Nath Mullick vs Pradyumna Kumar Mullick» в 1925 г. Тайный совет Великобритании объявил индуистского идола не движимым имуществом или иной собственностью, а юридическим лицом (англ. *juristic entity*), подтвердив наличие у него особых желаний и воли, выраженных его представителями. По словам судьи Шоу,

(идол) обладает юридическим статусом, дающим право подавать иски и выступать ответчиком в суде. Его интересы обеспечиваются лицом, на попечении которого находится божество и которое по закону является его управляющим, наделенным всеми полномочиями, которые в подобных обстоятельствах, по аналогии, были бы предоставлены управляющему имуществом несовершеннолетнего наследника (цит. по: Solaiman, 2017: 167).

Однако подобные примеры для юриста, воспитанного в традиции университетской догматики континентального права, — не более чем экзотика. В средневековом обычном праве народов Европы также встречались отголоски анимистических представлений, но под влиянием догматической традиции римско-канонического права данные представления превратились в «дурные обычаи» (Тогоева, 2015). Концептуальное оформление антропоцентричности позитивного права нашло выражение в понятии «субъект права» и «правосубъектность», которые обрели зрелую форму в XVII–XIX вв. благодаря переосмыслению античного и средневекового философского и юридического наследия.

Человекосоразмерность зрелой античной философии, кратко выраженная в высказывании Протагора «человек — мера всех вещей», нашла зеркальное отражение в высказываниях древнеримских юристов (например, согласно жившему в конце III в. н. э. Гермогениану, «все право установлено для людей» (Дигесты Юстиниана, Кофанов, 2002: 1.5.2)), а также институциональное закрепление в трехчастной структуре римского (частного) права, выделенной в учебнике «Институции» юристом Гаем во II в. н. э., — «все право, которое действует у нас (в республике), относится либо к лицам, либо к вещам, либо к искам» (Институции Гая, Дождев, 2020: 1, 8). При этом публичное право, значимое для по-

ложения республики в целом, касалось святынь, жрецов и магистратов (Дигесты Юстиниана, Кофанов, 2002: 1.1.1.2)³.

Особое место человека в мире видные античные мыслители связывали с его способностью мыслить рационально (логично) и выбирать образ жизни, ведущий к высшей цели (благу, счастью) через добродетели (Аристотель, Брагинская, 1983: 1.5, 1095b 15; 10.6 1176b 5). Это качество позволило человеку превратиться в «политическое животное», предназначенное природой для общественной жизни. Опираясь на открытия греческих философов, римские юристы допускали существование права природы (естественного права), «которому природа научила все живое [...] не только род человеческий, но и всех животных», а также право народов, «которым пользуются все народы» (Дигесты Юстиниана, Кофанов, 2002: 1.1.1.3–4), однако прагматично ограничивали действующее в Древнем Риме право установлениями органов публичной власти в отношении граждан (лат. *cives*, откуда «цивильное право») и иных лиц (лат. *persona*) с определенным правовым положением (*status*) свободы, гражданства и семейного состояния. Основным среди них являлся статус свободы, не имея или утратив который, человек превращался из лица (субъекта) в объект права (рабы суть вещи: Институции Гая, Дождев, 2020: 1.9).

Употребление слова «лицо» (*persona*) из театрального лексикона (от этрусского «маска») указывает на способность римских юристов выделить правовую проекцию человека, представив его актером, исполняющим роль в соответствии со своим статусом. Однако человек (субъект) занимал в правовой системе место сообразно объективной природе вещей (естественному праву), а не природным субъективным правам. Тем более что концепция субъективного права как меры свободы и власти человека чужда античному миру (Полдников, 2017: 144).

Христианская картина мира подразумевает взгляд на мир (природу) как результат творения Бога, в котором он является хозяином всего, а человек занимает центральное положение, ибо создан «по образу и подобию» его (Быт. 1:26) и получил этот мир в дар, дабы «плодиться и размножаться» в нем (Быт. 1:28). На этой религиозной основе теологи зрелого и позднего Средневековья сформулировали волевою и потестарную трактовку права (Дунс Скот, Оккам), развили представления о волевой и рациональной природе актов поведения (Фома Аквинский),

³Впрочем, учеными высказана гипотеза о зеркальном отражении структуры частного права лиц, вещей и исков в праве публичном (см. Кофанов, 2020).

что способствовало развитию представлений о субъекте как обладателе субъективных прав. В их рассуждениях подчеркивалось значение церкви как субъекта с *возможностью и властью (действовать) в силу верного основания/титула* (Жан Жерсон, трактат «О церковной власти и о происхождении права и законов» (ок. 1417)). По аналогии с церковью, тот же вывод можно было сделать и о христианах. Следуя философскому номинализму (согласно которому предметом познания могут быть только единичные индивидуальности, а не общие понятия-универсалии), францисканец Уильям Оккам приблизился к пониманию человека как субъекта, наделенного правителем (сувереном) субъективными правами, то есть признанной властью возможностью действовать в силу особых разумно-волевых качеств (Villey, 1969; Gutmann, 1994: 21).

Опираясь на наследие моральной теологии, французские гуманисты и испанские схоласты XVI в. уже достаточно последовательно определяли субъекта права (лат. *sub-jectus*, подданный суверена) как разумное создание, наделенное субъективными правами. Причем под такими правами они понимали признанную объективным правом возможность (*facultas*) и власть (*potestas*) субъекта совершать определенные действия в отношении вещи или другого субъекта на законном основании, правомерно (*facultas licita*) и справедливо (*facultas moralis*) (Полдников, 2017: 144).

Стержнем юридического понятия субъекта права в учениях мыслителей Нового времени стали субъективные права, присущие самой природе человека как существа с особыми качествами разума и воли, а потому выступающей первичной реальностью по отношению к норме права, формально закрепляющей такие права. Уже Гроций последовательно анализирует право в объективном смысле с позиции специфических качеств субъекта — центра и первого принципа правовой системы, о чем свидетельствует его определение (Гроций, Сакетти, 1994: кн. 1, гл. 1, §4).

В рассуждениях Гоббса, Локка и Руссо человек — субъект права постольку, поскольку пользуется врожденными правами человека (*homo*), предшествующими его статусу гражданина (члена политического союза). Это прирожденные и неотъемлемые права, которыми человек обладает в естественном состоянии. Но они приобретают правовой характер и могут быть реализованы только в случае признания и защиты позитивным правом.

«Субъект права» обретает современный смысл благодаря волевой трактовке природы человека. В этом контексте субъективное право есть способность индивида проявлять волю, и только из этого естественного

атрибута субъекта должна быть выведена его правосубъектность. Эта философская концепция стала частью революционной идеологии естественных прав во Франции на рубеже XVIII–XIX вв., но последовательное догматическое выражение получила в консервативной немецкой пандектике.

(а) *Французский подход*. Текст Декларации прав человека и гражданина 1789 г., в концентрированном виде выразивший новую идеологию политического союза и правовой системы, позволяет утверждать, что идеалом революционеров было общество свободных и равных индивидов. Они объединены в политический союз (государство), но между индивидом и государством не должно быть никаких организаций-посредников (кроме общинного и местного управления). Поэтому революционеры и выступали против средневековых корпораций (названных «промежуточными», *corps intermédiaires*), включая расформированные университеты и запрещенные профсоюзы. Закон относительно собраний рабочих и ремесленников одного состояния и профессии от 14 июня 1791 г. (так называемый Закон Ле Шапелье) в ст. 2 провозглашал, что «уничтожение всякого рода корпораций граждан является основой французской конституции» (Хрестоматия..., 2006: Т. 2, 95).

Последовательным представляется и отказ от признания прав иных лиц, кроме граждан и иностранцев, в Гражданском кодексе французов 1804 г., сочетавшем философию Просвещения с кутюмным и римским правом. Государственный советник Порталис, представляя новый проект кодекса гражданам-законодателям, утверждал с опорой на римское право и философов-«моралистов»: «Права существуют для людей; ибо законодатель единственно для их пользы уважает вещи»⁴. Но текстуальное толкование законодательства в рамках «школы экзегезы» препятствовало признанию иных субъектов права и во французской юридической доктрине XIX в.

(б) *Немецкая пандектистика*. Концепцию субъекта права последовательно сформулировали в XIX в. ведущие немецкие правоведы-пандектисты, особенно профессора Б. Виндшейд, Ф. Савиньи и Г. Пухта. Согласно утверждению последнего,

фундаментальным понятием права является свобода [...] Абстрактным понятием свободы является возможность определения себя чему-либо [...] Человек является субъектом права, потому что он имеет эту возможность определения самого себя, потому что он имеет волю (Puchta, 1850: 4–6).

⁴Цит. по: Речь государственного советника Порталиса..., Карамзин, 1802.

Еще точнее ту же мысль выразил учитель Пухты Ф. Савиньи:

Всякое право существует ради нравственной, присущей каждому отдельно-му человеку свободы (Дигесты Юстиниана, Кофанов, 2002: 1.5.2). Поэтому изначальное понятие лица или субъекта права должно совпадать с понятием человека [...] каждый отдельный человек, и только отдельный человек, является правоспособным (Савиньи, Жигулин, 2011: 2).

Таким образом, немецкие пандектисты с опорой на историческую трактовку права и кантианскую философию пришли к тому же выводу, что и французские юснатуралисты — единственным субъектом права является человек (подданный, гражданин). Указанная догматическая трактовка исключала правосубъектность иных живых существ, кроме человека, а тем более неживых предметов, превращая их все в объекты прав (притязаний, интересов) субъектов.

Указанное представление о субъекте права доминировало среди французских и немецких юристов-цивилистов на протяжении всего XIX в., но затем уступило место теории защищенного интереса Р. Иеринга (в монографии «Борьба за право» 1872 г.), развитой в дальнейшем при активном участии специалистов в области публичного права (см. далее). Признав человека единственным субъектом права и носителем субъективных прав, Савиньи и иные пандектисты столкнулись с двумя исключениями в виде правосубъектности недееспособных людей и коллективных образований («юридических лиц»).

ПРИРОДА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Фундаментальное значение свободной (автономной) воли субъекта в европейской догматике XIX в. определило и подход профессоров права к осмыслению коллективных субъектов, отличный от римского права и схоластической доктрины римско-канонического права.

Феномен участия коллективов людей в правоотношениях известен уже древнеримскому праву. Подтверждением тому — деятельность жреческих и иных профессиональных коллегий, городских муниципий, основательно изученная уже романистами рубежа XIX–XX вв. (Суворов, 1900 и др.) Однако распространение подобных объединений ограничивалось разрешительным порядком их создания (Дигесты Юстиниана, Кофанов, 2002: 3.4.1 pr.). Кроме того, практический характер римской юриспруденции исключил теоретическое осмысление положений римского права о различных объединениях лиц (*collegium, corpus, societas*) и введение собирательного понятия, аналогичного юридическому лицу.

Ближе всего к нему — общность-*universitas*, которую Ульпиан и другие юристы противопоставляли входившим в их состав лицам-*singuli* (Дигесты Юстиниана, Кофанов, 2002: 3.4.2). Однако *universitates* не сопоставлялись с правовым положением лица (*persona*).

Лишь зарождение в XII в. схоластической догматики в средневековых университетах побудило профессоров превратить дефиниции из ненадежного, по мнению римлян, обобщения юридических казусов (там же: 50.17.202) в ведущее средство познания сути правовых институтов. Уже представители первой юридической школы Италии (гlossаторы) опирались на учение о понятиях и их соотношении в рамках «древней логики» Боэция, что сформировало у них представление о важности обобщающих понятий (универсалий). Согласно поддержанному в XIII в. церковью учению Фомы Аквинского, универсалии формулирует человеческий интеллект благодаря обобщению чувственного опыта отдельных существей, а потому они не только абстрактны, но и выражают действительность и необходимы для ее постижения (Полдников, 2016: 126–127).

Указанный подход позволяет объяснить позицию известных glossаторов. Пиллий и Иоанн Бассиан называли *universitas* «совокупностью нескольких отдельных друг от друга тел (*coprora*), которая носит особое, данное ему название» (*Digestum vetus...*, 1559: 41.3.30), то есть юридическое лицо есть «умственное обозначение» (*nomen intellectuale*), объединяющее под одним названием различных индивидов. По мнению последнего glossатора Аккурсия (ум. ок. 1260), *universitas* — «это не что иное, как отдельные индивиды, которые в него входят» (*ibid.*: 3.4.7.1).

Следующий шаг в осмыслении юридического лица сделали юристы Римской католической церкви (канонисты) с подачи папы Иннокентия IV, который в булле 1245 г. заявил о невозможности отлучить от церкви *universitates*, поскольку речь идет об «именах права, а не лиц», и потому они лишены души и тела, но действуют словно как одно лицо («*collegium in causa universitatis fingatur una persona*» (*Decretales Gregorii IX...*, 1561: 5.39.53, п. 1)). В другом документе он же отметил, что объединения создаются, наделяются привилегиями и упраздняются в силу решения другого субъекта права:

И пойми насчет такой общности (*universitas*), что она создана вышестоящими [лицами] (*superiores*). Общностью на деле является собрание людей, как, например, Рим. И если они не получили согласия вышестоящего [лица] стать общностью, они не могут ни поставить себе судью, ни получить иные права и привилегии объединения (*ibid.*: 1.3.1.3).

Позицию понтифика поддержали канонисты, включая знаменитого Иоанна Андреа (ум. в 1348). По его словам, коллективные образования являются не настоящим лицом, а лицом, представляемым (кем-то другим):

Такие названия, как общность, университет, коллегия, корпус, общество, почти синонимичны [...] Поскольку это не настоящее лицо (*persona*), коим является индивидуальная разумная субстанция, постольку оно называется (лицом) не настоящим, а представляемым (*representata*) (*Liber sextus...*, 1591: 5.11.5, п. 8–9).

Впрочем, не все историки права готовы, подобно Отто фон Гирке (*Gierke*, 1881: 366, 390), признавать Иннокентия IV и канонистов создателями теории фикции в том же смысле, в каком ее развили немецкие пандектисты XIX в. под названием волевой теории. Рассуждая об объединениях (*universitates*), клирики подчеркивали возможность их создания и ликвидации по решению церкви или иного лица, но не привлечения к деликтной ответственности за отсутствием души, а значит, и вины. Таковы, в частности, рассуждения Ольдрада:

Общность (*universitas*) или коллегия не имеет ни подлинного лица, ни души, поскольку они лишь наименования права [...] Но следует считать, что они являются не подлинным, а фиктивным лицом в силу фикции права. И поэтому закон устанавливает, что муниципия, курия и общество выступают в качестве лица (*Дигесты Юстиниана*, 46.1.22; цит. по: *Canning*, 1980: 18–19).

От канонистов ссылку на фикцию в объяснении положения *universitates* заимствовали комментаторы позднего Средневековья, включая знаменитого Бартоло да Сассоферрато. Он подчеркнул, что для определения юридического лица необходимо отличать юридическую точку зрения от эмпирической действительности:

В соответствии с юридической фикцией [...] *universitas* считается единым лицом, отличным от составляющих его членов [...] Кроме того, даже если все члены умрут [...] народ (один из видов *universitas*. — *Д. П.*) останется тем же [...] так что объединение является чем-то отличным от лиц, которые его образуют, согласно фикции права (*Комментарий к Дигестам Юстиниана*, 48.19.16(10); цит. по: *ibid.*: 19).

Ученик Бартоло, Бальд признал «лицом» народ (*populus*) ввиду его способности вступать в отношения с другими субъектами. Следовательно, «лицо» в доктрине *ius commune* начинает использоваться для

обозначения как индивидов (*persona singularis*), так и их объединений (*persona universalis*):

Все те множества, которые заменяются единым, следует считать одним лицом, как указано в Дигестах 35.1.56. Лицом-общностью является то, что мыслится в качестве единого лица, но состоит из множества тел, например, указанное в Дигестах 46.1.22 (наследство, муниципий, сообщество декурионов, товарищество. — *Д. П.*). Также единым лицом с единым телом считаются указанные в Дигестах 4.2.9.1 (народ, курия, коллегия, союз. — *Д. П.*). Из этого следует, что наименование «лицо» иногда указывает на единичное (тело), иногда — на собирательное, иногда — на главу или прелата, как, например, в *Liber Extra* 3.5.28 (Комментарий к Кодексу, 6.26.2; цит. по: Canning, 1980: 19).

Однако в целом средневековая схоластика и опора на тексты римского права (а также отказ от изучения в университетах институтов торгового права) ограничивали юристов в развитии концепции юридических лиц.

Подлинный прорыв в создании догматической концепции юридического лица совершили лишь немецкие пандектисты XIX в., развивая положения римского права и *ius commune* через призму волевой трактовки субъекта права. В учении Ф. Савиньи и Г. Пухты о правоотношении четко определено, что единственным субъектом в подлинном смысле слова (*Rechtsperson*) является человек в этическом измерении (см. выше). Все иные участники правоотношений фиктивны. По Савиньи,

искусственные, предположенные благодаря фикции субъекты [...] мы называем «юридическим лицом», то есть лицом, которое допускается только в юридических целях. И наряду с отдельным человеком мы также усматриваем в нем носителя прав (Савиньи, Жигулин, 2011: 132).

Наиболее известный профессор-пандектист, участвовавший в разработке проекта Гражданского уложения Германии, Б. Виндшейд сместил акцент с самого человека на его волю, но, подобно Савиньи, считал юридические лица фикцией (откуда второе название теории фикции — волевая теория):

Лицо, чья воля объявлена (правопорядком) определяющей, является субъектом права. Если далее возникает вопрос о том, что следует понимать под «лицом», то очевидным ответом представляется: человек. Ибо [...] только человек обладает волей [...] Однако данному мнению противоречит естественное чувство, основанное на глубокой тяге к личности, пронизывающей человеческую природу. Это чувство и здесь ищет носителя прав и находит его в искусственно созданной, посредством мысленной операции, воображаемой личности... Такое искусственно созданное лицо называется, с использованием

традиционного, не вполне безупречного выражения, юридическим лицом (Windscheid, 1887: § 49, 132).

Разумеется, юридическая фикция подразумевала уравнивание заведомо неравного, но она позволяла сохранить человекоцентричность догматики буржуазного права (юридического позитивизма) XIX в. Подтверждением тому является ее заимствование правоведами-цивилистами большинства стран континентальной Европы (John, 1977). В свою очередь, законодатель воздержался от определения правовой природы юридического лица, несмотря на постепенное введение самого института в гражданское законодательство⁵.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО В ДОГМАТИКЕ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ОТ ЧЕЛОВЕКОСОРАЗМЕРНОСТИ К ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ

Распространение юридических лиц во второй половине XIX в., сначала в предпринимательской деятельности, затем в иных, некоммерческих отношениях и даже в публичной сфере, стимулировало ученых-юристов к дальнейшему осмыслению данного феномена. К концу XIX в. волевая теория все чаще подвергалась критике с позиции альтернативных теорий, авторы которых стремились снять завесу таинственности с фикции юридического лица. Результатом такого переосмысления стала деперсонализация субъекта права, разрыв его неременной связи с человеком.

Уже видные профессора-цивилисты рубежа XIX–XX в. показали, что за критикуемой фикцией стоит только объединение физических лиц и их имущества. В частности, французский профессор Марсель Планиоль в «Элементарном трактате по гражданскому праву» (1897) представил юридическое лицо как механизм коллективной собственности тех, кто входит в юридическое лицо. В монографии 1902 г. о юридических лицах Габриэль де Варей-Сомьер связал их правосубъектность с договором об образовании ассоциации. Но еще более последовательно фиктивную природу юридических лиц разоблачали специалисты в области публичного права.

⁵Вслед за Германским гражданским уложением 1896 г. это понятие вошло в Швейцарское гражданское уложение 1907 г. Другие кодификации восприняли его значительно позднее. Например, в Италии это произошло благодаря принятию нового Гражданского кодекса 1942 г., а во Франции — только поправкой во Французский гражданский кодекс 1978 г. (хотя формально юридические лица легализованы в результате отмены закона Ле Шапелье в 1864 г. и Законом о правовой личности ассоциаций от 1 июля 1901 г.).

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Становление догматики публичного права с последней трети XIX в. побудило некоторых ученых-юристов распространить понятие юридического лица на публичные образования, производные от права граждан на создание объединений. Для этого некоторые публицисты стремились доказать действительное наличие коллективной воли такого образования, по аналогии с индивидуальной волей и в соответствии с принципом человекосоразмерности субъекта права. Крайним проявлением такого реалистичного взгляда стала *органическая теория* юридического лица как телесной реальности, развитая главным образом Рене Вормсом под влиянием модной в то время органической социологии как отрасли биологии (Worms, 1896).

Вскоре данную теорию оттеснило на второй план более тонкое учение Э. Цительмана, О. Гирке, М. Ориу, А. Местра о юридическом лице как *социологической реальности*: юридическая личность социальных групп должна быть признана позитивным правом, поскольку они образуют социальную реальность собственной коллективной воли. По словам наиболее известного сторонника данной теории Отто фон Гирке,

способность корпораций проявлять волю и действовать является реальностью, существующей в их личности и вместе с ней [...] Право признает их правосубъектность именно потому, что усматривает в них коллективную волю, единую и делящуюся. Как и в случае с индивидами, мы усматриваем основу личности в этой воле, которая является внутренней силой, проявляющейся вовне в виде актов (поведения) (Gierke, 1881: 608).

Однако границы «коллективной воли» достаточно размыты. По замечанию Леона Дюги, она есть не что иное, как продолжение индивидуальных волей, от которых ее сложно обособить. Теоретическая проблема в том, что понятие личности неотделимо от понятия субъективного права как автономии воли.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Сомнения в обоснованности антропоморфного взгляда на юридическое лицо в догматике публицистов, по всей видимости, обусловлены предложенным Р. Иерингом определением субъективного права в смысле защищенного интереса, а субъекта права — как бенефициара этой защиты. Сам автор тезиса, как цивилист XIX в., считал человека единственным подлинным субъектом права и, очевидно, не предполагал, что его подход позволит устранить волю как основание юридической

личности. Но именно к такому выводу пришли публицисты Г. Еллинек и Л. Мишу, выступившие за последовательное размежевание юридической точки зрения и философской или социологической.

По словам Леона Мишу, «для правоведения понятие лица есть и должно оставаться понятием исключительно юридическим» (Michoud, 1932: 7, 95). В его основе взгляд на субъективное право как

интерес человека или группы людей, юридически защищенный посредством признанной за волей возможности (силы) представлять или защищать (в судебном порядке) (ibid.: 107)⁶.

С этой точки зрения, субъектом права является тот, чьи интересы защищены в судебном порядке, и неважно, сам ли он выражает волю или кто-то от его имени. В организации (коллективном субъекте) достаточно органа, способного выражать волю и защищать ее интересы в судебном порядке.

Взгляд на юридическое лицо с позиции защищенного интереса отстаивали не только названные публицисты, но и цивилисты, прежде всего, Раймон Салейль и Франсуа Жени. Впрочем, данный подход еще не совсем разрывает связь между юридической и социальной реальностью, поскольку юридическое лицо находит свое главное основание в коллективном интересе, то есть в группе людей, образующих социальный субстрат юридического лица.

Юридическое лицо как средство юридической техники

«Чисто юридическую» трактовку рассматриваемого понятия предложили сторонники правового формализма в континентальной юридической догматике в период между двумя мировыми войнами. Во французской науке для целей публичного права строго формальное понятие юридического лица, без какой-либо ссылки не только на индивидуума, но и на социальные группы, наиболее полно обосновал Раймон Карре де Мальбер в монографии об общей теории государства (1920), где он, в частности, утверждал:

(Лицо) имеет по существу только формальную основу и значение [...] Прежде всего это вопрос органической структуры, формы организации группы. Именно в этом смысле было сказано [...] что государство является лишь юридическим лицом (Carré de Malberg, 1920: 42–43).

⁶Л. Мишу (1855–1916) — по специальности романист, цивилист, но также заведовал кафедрой административного права и заслужил высокую оценку М. Ориу, ведущего ученого в данной отрасли.

Будучи участником юридических отношений, государство и его органы являются субъектами права в самых разных отношениях, в том числе имущественных. Но участие в таковых не превращает ни государство, ни его органы в юридическое лицо частного права, поскольку оно действует в чужом (национальном) интересе.

В немецкоязычной науке аналогичную позицию последовательно отстаивал Ганс Кельзен. В трактате «Чистое учение о праве» (1-е изд. — 1934) он довел до предела формальное понимание юридического лица как персонификации порядка, который регулирует поведение нескольких индивидов.

Так называемое юридическое лицо, как и лицо физическое, является лишь единым выражением для некоего комплекса норм, то есть для некоего правового порядка, который регулирует поведение множества людей. Речь идет либо о персонификации некоего частичного порядка [...] либо о некоем тотальном правовом порядке [...] в виде государства как лица (Кельзен, Антонов и Лезов, 2015: 157–158).

Иными словами, юридическое лицо — это отдельная от социальной реальности часть правопорядка, созданная государством. Понятие юридического лица может использоваться для описания объединения лиц, но оно является лишь инструментом юридической техники, с помощью которого юристы описывают позитивное право.

Подход Г. Кельзена полностью изменил направление догматической дискуссии о юридическом лице. Если для Савиньи в силу самой природы вещей только человек является субъектом права, а юридическое лицо — лишь фикцией, то для Кельзена, напротив, правосубъектность определяется внутренней «чистой» реальностью правовой системы, в силу которой как физическое, так и юридическое лицо является юридической абстракцией.

Позиция Карре де Мальбера, Кельзена и их сторонников позволила не только преодолеть противоречия социальной реальности и юридической фикции, но и завершила деперсонификацию субъекта права как такового. Правовая природа субъекта [лица] сводится к тем субъективным правам и обязанностям, которые приписывает ему правопорядок. Субъект или лицо становится приемом юридической техники и средством изложения соответствующего нормативного материала.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ РЕДУКЦИЯ СУБЪЕКТА ПРАВА К ФУНКЦИИ КОММУНИКАЦИИ

Постмодернизм в западноевропейской культуре второй половины XX в. оказал глубокое влияние на представление ученых о субъекте

социальной реальности, вплоть до отрицания его автономности и значимости. Так, французский литературный критик Ролан Барт в эссе 1967 г. провозгласил смерть автора (писателя), утратившего способность выступать пророком, мерилom нравственности в современном западном обществе. Ближе к концу XX столетия правоведы совершили «покушение» на субъекта права.

В контексте дискуссии о догматике юридического лица особого внимания заслуживает бессубъектная теория права немецкого социолога права Никласа Лумана. Опираясь на свою системную социологическую теорию (по одноименной книге 1984 г.), в одной из статей 1991 г. он утверждал, что лицо (субъект, личность) следует понимать не антропоморфно и в контексте правоотношений, а как «форму» наблюдения индивидуального в контексте социального взаимодействия, опосредованного нормами позитивного права. Иными словами, «форму» лица получает всё, что маркировано для коммуникации, то есть готово к участию в ней, и наоборот, «вещь» есть то, что в коммуникации не участвует:

«Лицом» (*Person*) следует считать [...] не особый объект, и не вид объектов или их характеристику (даже если в данном случае это (де-юре) субъекты), а особый вид разграничения, который, будучи формой с двумя сторонами, направляет (наше) наблюдение [...] Эта цель может быть достигнута, если определить форму «лицо» как *индивидуально приписанное ограничение возможностей поведения* (*individuell attributierte Einschränkung von Verhaltensmöglichkeiten*). [...] Акцент ставится [...] на *ограничении* возможностей поведения, и форма, таким образом, заключается в том, что посредством этого ограничения нечто идентифицируется как другая сторона, как не принадлежащее лицу. [...] Пoсредством маркирования для дальнейшей коммуникации выделяется и предоставляется то, что является интересным, подлежащим дальнейшему уточнению, и, возможно, также сомнительным, а именно — лицо (Luhmann, 1991: 170).

Развивая системный взгляд на социальные системы, другой немецкий социолог и теоретик права Гунтер Тойбнер пришел к выводу о возможности свести физических и юридических лиц к «деятелям» или «актантам» (термин французского лингвиста Л. Теньера), маркированным в качестве участников коммуникации для нужд юридической теории или практики, прежде всего, ради ограничения неопределенности в актах взаимодействия:

В ситуации двойной неопределенности, где каждый участник обуславливает свое поведение по отношению к другим тем, насколько удовлетворительно они ведут себя по отношению к нему, существует насущная потребность

ограничить спектр возможностей. Именно это нестабильное, закольцованное затруднение двойной неопределенности порождает возникновение лиц (*Personen*); точнее (оно) вынуждает участников, независимо от происходящих в них психических процессов, позиционировать себя как лицо (*Person*) в социальной системе, то есть коммуникативно, а также аккуратно ограничивать неожиданные качества своего поведения (Teubner, 2006: 30).

Приведенная трактовка субъекта права лишает человека и созданные им коллективы монополии на участие в правовой коммуникации (правоотношении), поскольку требует от субъекта («актанта») более абстрактной способности обуславливать окружением свое поведение. Значит, данный подход позволяет обосновать правовую коммуникацию посредством «сделок» между человеком, кибернетическим организмом, алгоритмом («искусственным интеллектом») при условии их способности общаться с другими «актантами» на основе знания о себе («само(со)знании», своем внутреннем устройстве) и о внешнем мире, а также способности выбирать между альтернативами на пути к конкретной цели.

Пока такой смелый подход отдельных немецких и европейских правоведов еще не стал основным для позитивного права Европейского союза и отдельных его государств-участников. Но следует ли приветствовать его в качестве основы теории права ближайшего будущего? Ответ не однозначен. С одной стороны, в духе деколонизации западной юриспруденции, данный подход снимает клеймо экзотичности (правового ориентализма) с правосубъектности идолов, животных, природных объектов и самой матери-Земли. Кроме того, он создает предпосылки для правового регулирования «людей-машин» (киборгов, андроидов) и неодушевленных объектов, управляемых «слабым» искусственным интеллектом (Медушевский, 2024: 143).

С другой стороны, правовая система романо-германских стран на протяжении столетий рецепции римско-канонического права и кодификации источников позитивного права развивалась с опорой на принцип или даже аксиому человекосоразмерности всех правовых институтов в «аналоговой» социальной действительности. Учитывая консервативность элементов правовой системы и сосуществование «аналогового» и «цифрового» пространств окружающей нас действительности, последствия отказа от «аналоговой» основы в угоду транс- или постгуманизму и цифровизации еще не изучены в полной мере и могут привести к крайне нежелательным последствиям, а аргументы в пользу такого

преобразования правовой системы абстрактны, идеологически предвзяты и потому едва ли научно состоятельны (Медушевский, 2024: 156).

Обозначенная в данной статье в общих чертах сложная концептуальная разработка понятия «юридическое лицо» свидетельствует о важности для правоведения устоявшихся понятийных и методологических конвенций. Его дальнейшее развитие, очевидно, подразумевает дифференцированный подход к сложившимся концептуальным границам в обозначении субъектов права, а также поиск и поддержание баланса между сущностным юридическим анализом и сложившимися правовыми традициями.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. Никомахова этика / пер. с древнегреч. И. В. Брагинской // Сочинения. В 4 т. Т. 4 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М. : Мысль, 1983. — С. 53–294.
- В Боливии созданы ведомство «матери-Земли» и климатическая юстиция / РИА Новости. — 2012. — URL: <https://ria.ru/20121016/902798133.html> (дата обр. 15 янв. 2025).
- Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права / под ред. С. Б. Крылова ; пер. с лат. А. Л. Сакетти. — М. : Ладомир, 1994.
- Дигесты Юстиниана. В 8 т. Т. 1 / пер. с лат., под ред. Л. Л. Кофанова. — М. : Статут, 2002.
- Институции Гая / пер. с лат., под ред. Д. В. Дождева. — М. : Статут, 2020.
- Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. — 2-е изд. — СПб. : АЛЕФ-Пресс, 2015.
- Король коренных новозеландцев потребовал признать китов личностями / РИА Новости. — 2024. — URL: <https://ria.ru/20240328/kity-1936424081.html> (дата обр. 15 янв. 2025).
- Кофанов Л. Л.* Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. — М. : Индрик, 2020.
- Медушевский А. Н.* Постгуманизм : научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть II) // Вопросы теоретической экономики. — 2024. — № 4. — С. 142–158.
- Михайлов А. М.* Генезис континентальной юридической догматики. — М. : Юрлитинформ, 2010.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. — М. : Институт Гайдара, 2011.

- Полдников Д. Ю.* Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII–XVI вв.) — М. : Проспект, 2016.
- Полдников Д. Ю.* Формирование концепции субъективного права в правовой науке Западной Европы XVI в. // Интересы в праве. Жидковские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции / под ред. М. В. Немытиной. — М. : РУДН, 2017. — С. 143–145.
- Речь государственного советника Порталиса к Законодательному совету / Lib.ru/Классика ; пер. с фр. Н. М. Карамзина. — 1802. — URL: http://az.lib.ru/p/portalis_z/text_1796_rech_sovetnika_portalisa.shtml (дата обр. 15 янв. 2025).
- Савиньи Ф.* Система современного римского права / под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря ; пер. с нем. Г. Жигулина. — М. : Статут, 2011.
- Суворов Н. С.* Об юридических лицах по римскому праву. — 2-е изд. — М. : печатня А. И. Снегиревой, 1900.
- Тогоева О. И.* Когда преступник — свинья. «Дурные обычаи» и неписанные правила средневекового правосудия // Многоликая софистика : нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / под ред. Ю. В. Ивановой, П. В. Соколова. — М. : Высшая школа экономики, 2015. — С. 403–436.
- Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : учебное пособие : в 2 т. / под ред. Н. А. Крашенинниковой. — М. : Норма, 2006.
- Canning J. P.* The Corporation in the Political Thought of the Italian Jurists of the Thirteenth and Fourteenth Centuries // History of Political Thought. — 1980. — Vol. 1, no. 1. — P. 9–32.
- Carré de Malberg R.* Contribution à la théorie générale de l'Etat. Т. 1. — Paris : Sirey, 1920.
- Decretales Gregorii IX cum glossa B. Bottoni. — Lutetiae Parisiorum, 1561.
- Digestum vetus seu Pandectarum iuris civilis... commentariis Accursii. Tom 1. — Parisiis, 1559.
- Gierke O.* Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. 3. — Berlin : Weidmann, 1881.
- Gutmann D.* La question du droit subjectif chez Guillaume d'Occam // Le droit des Modernes (XIV–XV siècles) / sous la dir. de S. Rials. — Paris : LGDJ, 1994. — P. 21–43.
- John U.* Die organisierte Rechtsperson : System und Probleme der Personifikation im Zivilrecht. — Berlin : Duncker & Humblot, 1977.
- Liber sextus decretalium Bonifacii papae 8. Clementis papae 5. Constitutiones, Extrauagantes tum viginti D. Ioannis papae 22. Tum Communes. Haec omnia cum suis glossis suae integritati restituta, & ad exemplar Romanum diligenter recognita. — Roma, 1591.
- Luhmann N.* Die Form Peron // Soziale Welt. — 1991. — Nr. 42. — S. 166–175.
- Michoud L.* La Théorie de la personnalité morale et son application au droit français. Т. 1. — Paris : LGDJ, 1932.

- Puchta G.* *Cursus der Institutionen* / hrsg. von A. Rudorff. — Leipzig : Breitkopf & Härtel, 1850.
- Saleilles R.* *De la personnalité juridique : histoire et théories.* — 2e éd. — Paris : Rousseau & Co., 1922.
- Solaiman S. M.* *Legal Personality of Robots, Corporations, Idols and Chimpanzees : A Quest for Legitimacy // Artificial Intelligence and Law.* — 2017. — No. 25. — P. 155–179.
- Sprouse R. T.* *Legal Concepts of the Corporation // The Accounting Review.* — 1958. — No. 33.1. — P. 37–49.
- Teubner G.* *Elektronische Agenten und große Menschenaffen : Zur Ausweitung des Akteurstatus in Recht und Politik // Zeitschrift für Rechtssoziologie.* — 2006. — Nr. 27.1. — S. 5–30.
- Villey M.* *Seize essais de philosophie du droit.* — Paris : Dalloz, 1969.
- Windscheid B.* *Lehrbuch des Pandektenrechts.* Bd. 1. — Leipzig : Rütten & Loening, 1887.
- Worms R.* *Organisme et société.* — Paris : V. Giard & E. Briere, 1896.

Poldnikov, D. Y. 2025. "Chelovekosorazmernost' prava kak osnova dogmaticheskoy traktovki yuridicheskogo litsa [Anthropocentrism as a Principle in the Dogmatic Interpretation of Legal Person]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 9 (2), 238–261.

DMITRY POLDNIKOV
DOCTOR OF LETTERS IN LAW
ASSOCIATE PROFESSOR
PROFESSOR

MGIMO UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-2872-4540

ANTHROPOCENTRISM AS A PRINCIPLE IN THE DOGMATIC INTERPRETATION OF LEGAL PERSON

Submitted: Jan. 18, 2025. Reviewed: Feb. 08, 2025. Accepted: May 21, 2025.

Abstract: The widespread adoption and recognition of the legal person as a subject of law in most contemporary legal systems worldwide is largely attributable to the influence of the Romano-Germanic legal tradition where this generalized concept and its corresponding institutionalization only reached its definitive form by the 19th century, thanks to its dogmatic conceptualization by legal scholars in Western Europe. The author of this article uses a historical-legal (diachronic) comparison to identify the doctrinal origins and milestones of this long and complex process, rooted in the medieval scholastic reinterpretation of the principle of anthropocentric vision of law, inherited from ancient philosophical and legal thought. The doctrine of theologians and legal scholars combined and transformed the concepts of subject of law, subjective right, and legal person. Ultimately, it led to the formulation of the dominant 19th-century will theory (fiction theory) of the legal person in the doctrines of leading German and French civil law scholars. The article also demonstrates how the critique of the will theory, as

the concept based on it became more widespread in the dogmatics of public law, led to a gradual abandonment of the anthropocentric vision of the legal person and the subject of law itself. This departure from the Roman axiom challenges one of the foundations of the Continental European legal tradition but revisits the label of exoticism of the legal personality of idols, animals, and natural objects known in non-Western religious-legal traditions. Also, it allows for the recognition of the legal personality of artificial intelligence and cybernetic organisms.

Keywords: Subject of Law, Legal Person, Public Law, Subjective Right, Legal Dogmatics, Romano-Germanic Legal Tradition.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-238-261.

REFERENCES

- Aristotle. 1983. *Nikomakhova etika [Nicomachean Ethics]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by I. V. Braginskaya, 53–294. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Canning, J. P. 1980. "The Corporation in the Political Thought of the Italian Jurists of the Thirteenth and Fourteenth Centuries." *History of Political Thought* 1 (1): 9–32.
- Carré de Malberg, R. 1920. *Contribution à la théorie générale de l'Etat* [in French]. Vol. 1. Paris: Sirey.
- Decretales Gregorii IX cum glossa B. Bottoni* [in Latin]. 1561. Lutetiae Parisiorum.
- Digestum vetus seu Pandectarum iuris civilis... commentariis Accursii. Tom 1.* [in Latin]. 1559. Parisiis.
- Dozhdev, D. V., ed. and trans. 2020. *Institutsii Gaya [Institutions of Gaius]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Statut.
- Gierke, O. 1881. *Das deutsche Genossenschaftsrecht* [in German]. Vol. 3. Berlin: Weidmann.
- Grotius, H. 1994. *O prave voyny i mira. Tri knigi, v kotorykh ob'yasnyayet-sya yestvennoye pravo i pravo narodov, a takzhe printsipy publichnogo prava [Jure belli ac pacis libri tres, in quibus jus naturae et gentium, item juris publici praecipua explicantur]* [in Russian]. Ed. by S. B. Krylov. Trans. from the Latin by A. L. Saketti. Moskva [Moscow]: Ladimir.
- Gutmann, D. 1994. "La question du droit subjectif chez Guillaume d'Occam" [in French]. In *Le droit des Modernes (XIV–XV siècles)*, ed. by S. Rials, 21–43. Paris: LGDJ.
- John, U. 1977. *Die organisierte Rechtsperson: System und Probleme der Personifikation im Zivilrecht* [in German]. Berlin: Duncker & Humblot.
- Kelsen, H. 2015. *Chistoye ucheniye o prave [Reine Rechtslehre]* [in Russian]. Trans. from the German by M. V. Antonov and S. V. Lezov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Alef-Press.
- Kofanov, L. L., ed. and trans. 2002. [in Russian]. Vol. 1 of *Digesty Yustiniana [Digesta]*. 8 vols. Moskva [Moscow]: Statut.
- . 2020. *Sistema rimskogo publichnogo prava epokhi Respubliki i Printsipata [System of Roman Public Law of the Period of Republic and Principate]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Indrik.
- "Korol' korennykh novozelandtsev potreboval priznat' kitov lichnostyami [The King of the Native New Zealanders Demanded to Recognize Whales as Individuals]" [in Russian]. 2024. RIA Novosti. Accessed Jan. 15, 2025. <https://ria.ru/20240328/kity-1936424081.html>.
- Krasheninnikova, N. A., ed. 2006. *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran [Reader on the History of the State and Law of Foreign Countries]: uchebnoye posobiye [A Textbook]* [in Russian]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Norma.
- Liber sextus decretalium Bonifacii papae 8. Constitutiones, Extravagantes tum viginti D. Ioannis papae 22. Tum Communes. Haec omnia cum suis*

- glossis suae integritati restituta, & ad exemplar Romanum diligenter recognita* [in Latin]. 1591. Roma.
- Luhmann, N. 1991. "Die Form Peron" [in German]. *Soziale Welt*, no. 42, 166–175.
- Medushevskiy, A. N. 2024. "Postgumanizm [Post-humanism]: nauchnaya teoriya, sotsial'naya utopiya ili novaya ideologiya gospodstva? (Chast' II) [Academic Theory, Social Utopia or the New Ideology of Political Dominance? (Part II)]" [in Russian]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Theoretical Economics]*, no. 4, 142–158.
- Michoud, L. 1932. *La Théorie de la personnalité morale et son application au droit français* [in French]. Vol. 1. Paris: LGDJ.
- Mikhaylov, A. M. 2010. *Genezis kontinental'noy yuridicheskoy dogmatiki [Origins of Continental Legal Dogmatics]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yurлитinform.
- Polnikov, D. Yu. 2016. *Formirovaniye ucheniya o dogovore v pravovoy nauke Zapadnoy Yevropy (XII–XVI vv.) [Formation of the Contractual Theory in Western European Legal Scholarship in the 12th Through 16th Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Prospekt.
- . 2017. "Formirovaniye kontseptsii sub'yektivnogo prava v pravovoy nauke Zapadnoy Yevropy XVI v. [The Formation of the Concept of Subjective Right in European Legal Scholarship]" [in Russian]. In *Interesy v prave. Zhidkovskiy chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Interests in Law: Conference in Memory of Oleg Zhidkov]*, ed. by M. V. Nemytina, 143–145. Moskva [Moscow]: RUDN [Peoples' Friendship University of Russia].
- Puchta, G. 1850. *Cursus der Institutionen* [in German]. Ed. by A. Rudorff. Leipzig: Breitkopf & Härtel.
- "Rech' gosudarstvennogo sovetnika Portalisa k Zakonodatel'nomu sovetu [Discours préliminaire du premier projet de Code civil prononcé par le conseiller d'État Jean-Étienne-Marie Portalis le 21 janvier 1801]" [in Russian]. 1802. Trans. from the French by N. M. Karamzin. Lib.ru/Klassika. Accessed Jan. 15, 2025. http://az.lib.ru/p/portalis_z/text_1796_rech_sovetnika_portalisa.shtml.
- Saleilles, R. 1922. *De la personnalité juridique: histoire et théories* [in French]. 2nd ed. Paris: Rousseau & Co.
- Savingy, F. 2011. *Sistema sovremennogo rimskogo prava [System des heutigen römischen Rechts]* [in Russian]. Ed. by O. Kutateladze and V. Zubar'. Trans. from the German by G. Zhigulin. Moskva [Moscow]: Statut.
- Solaiman, S. M. 2017. "Legal Personality of Robots, Corporations, Idols and Chimpanzees: A Quest for Legitimacy." *Artificial Intelligence and Law*, no. 25, 155–179.
- Sprouse, R. T. 1958. "Legal Concepts of the Corporation." *The Accounting Review*, no. 33.1, 37–49.
- Suvorov, N. S. 1900. *Ob yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu [On Legal Persons under Roman Law]* [in Russian]. 2nd ed. Moskva [Moscow]: pechatnya A. I. Snegirevoy [Printing House of A. I. Snegireva].
- Teubner, G. 2006. "Elektronische Agenten und große Menschenaffen: Zur Ausweitung des Akteurstatus in Recht und Politik" [in German]. *Zeitschrift für Rechtssoziologie*, no. 27.1, 5–30.
- Togoyeva, O. I. 2015. "Kogda prestupnik — svin'ya. 'Durnyye obychai' i nepisanyye pravila srednevekovogo pravosudiya [When the Criminal is a Pig. Bad Customs and Unwritten Rules of Medieval Justice]" [in Russian]. In *Mnogolikaya sofistika [Many-Sided Sophistry]: nelegitimnaya argumentatsiya v intellektual'noy kul'ture Yevropy Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni [Illegitimate Argument in the Intellectual Culture of Europe in the*

- Middle Ages and Early Modern Times*], ed. by Yu. V. Ivanova and P. V. Sokolov, 403–436. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki [HSE Publishing House].
- “V Bolivii sozdany vedomstvo ‘materi-Zemli’ i klimaticheskaya yustitsiya [The Agency ‘Mother-Earth’ and Climate Justice Have Been Established in Bolivia]” [in Russian]. 2012. RIA Novosti. Accessed Jan. 15, 2025. <https://ria.ru/20121016/902798133.html>.
- Villey, M. 1969. *Seize essais de philosophie du droit* [in French]. Paris: Dalloz.
- Windscheid, B. 1887. *Lehrbuch des Pandektenrechts* [in German]. Vol. 1. Leipzig: Rütten & Loening.
- Worms, R. 1896. *Organisme et société* [in French]. Paris: V. Giard & E. Briere.